

ФИЛИППОВА М.О.

АРХИВ 86

ДРАМА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Филиппова

Архив 86

«Автор»

2026

Филиппова М. О.

Архив 86 / М. О. Филиппова — «Автор», 2026

Дорогой читатель. Если ты держишь в руках эту книгу, значит, ты уже знаком с мрачными тайнами лесного дома «К-86». Ты знаешь Киру, ты помнишь ту липкую атмосферу страха, тумана и загадочных, пугающих цифр, которые оставляет в округе неизвестный маньяк. И, конечно, ты помнишь его — странного, пугающего соседа напротив. Мужчину с мертвым взглядом, каменными мраморными скулами и леденящим душу молчанием. Но задумывался ли ты когда-нибудь, какая трагедия выжгла его сердце до состояния пепла? Эта книга вернет тебя на пять лет назад. В те дни, когда этот монстр еще умел чувствовать, улыбаться и отчаянно, до хруста в костях, любить. Ты пройдешь с ним через короткое, украденное у жизни счастье и заглянешь в глаза настоящему, уродливому горю. Ты увидишь, как разбиваются в кровь кулаки о бревенчатые стены, как из соплей, слез и рвоты на осколках выбитых окон рождается абсолютная, безэмоциональная тьма.

© Филиппова М. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Архив 86

Глава

Архив 86

Пролог

«Ты думаешь, что тишина — это благословение? Нет. Настоящая тишина наступает только тогда, когда останавливается чужое сердце».

Дорогой читатель. Если ты держишь в руках эту книгу, значит, ты уже знаком с мрачными тайнами лесного дома «К-86». Ты знаешь Киру, ты помнишь ту липкую атмосферу страха, тумана и загадочных, пугающих цифр, которые оставляет в округе неизвестный маньяк. И, конечно, ты помнишь его — странного, пугающего соседа напротив. Мужчину с мертвым взглядом, каменными мраморными скулами и леденящим душу молчанием.

Но задумывался ли ты когда-нибудь, какая трагедия выжгла его сердце до состояния пепла?

Эта книга вернет тебя на пять лет назад. В те дни, когда этот монстр еще умел чувствовать, улыбаться и отчаянно, до хруста в костях, любить. Ты пройдешь с ним через короткое, украденное у жизни счастье и заглянешь в глаза настоящему, уродливому горю. Ты увидишь, как разбиваются в кровь кулаки о бревенчатые стены, как из соплей, слез и рвоты на осколках выбитых окон рождается абсолютная, безэмоциональная тьма.

Здесь не будет хэппи-энда. Здесь будет удушливая июльская жара, разлагающаяся изнутри надежда и экстренное кесарево, которое разделит жизнь одного человека на «до» и «никогда больше».

Застегни пальто покрепче. Мы отправляемся к домику у озера. Туда, где всё началось

Глава 1. Запах озерной воды

Дом у озера никогда не умел хранить тепло. Даже в самые жаркие июльские дни, когда солнце безжалостно плавало озерную гладь, внутри комнат всегда пахло сыростью, старым деревом и затаенной, липкой злостью. Этот запах проникал сквозь щели в деревянных ставнях, смешивался с ароматом цветущей тины и оседал в легких, заставляя чувствовать себя продроглым до самых костей.

Десятилетний Ниган лежал на спине, уставившись в потолок своей маленькой спальни на втором этаже. На побелке прямо над его головой росло сухое желтое пятно от прошлогодней протечки крыши; по форме оно напоминало расправившую крылья птицу. Ниган часто разглядывал его по утрам, заложив руки за голову и стараясь дышать как можно тише.

Тишина в этом доме была главным законом выживания. Если ты шумишь ты существуешь. А если ты существуешь, тебя обязательно кто-нибудь заметит. И это «внимание» со стороны отца никогда не предвещало ничего хорошего. Ниган научился быть невидимкой раньше, чем научился завязывать шнурки на ботинках.

Снизу, из кухни, донесся тихий, едва различимый скрежет это мама выставила сковороду на плиту. Значит, уже шесть утра. Отец еще спал в большой комнате, и его прерывистое храпение глухо вибрировало сквозь половицы коридора, напоминая рокот неисправного автомобильного мотора.

Ниган медленно спустил ноги с кровати. Пол был ледяным. Мальчик аккуратно, стараясь наступать только на те места, где доски не скрипели, натянул застиранную футболку и старые шорты. Каждое его движение было выверено годами тренировок. Он знал этот дом наизусть: знал, что третья ступенька сверху издает противный писк, если наступить на её самый край,

а дверь внизу нужно открывать, слегка приподнимая за ручку вверх, чтобы не запели ржавые петли.

Когда он вошел на кухню, мама даже не обернулась. Она стояла спиной к нему, завернутая в свой вечный серый халат, который казался слишком большим и тяжелым для её исхудавших, вечно опущенных плеч. Над плитой поднимался слабый сизый дым от подгорающего масла.

— Доброе утро, мам, — тихо произнес Ниган, останавливаясь у самого порога.

Она вздрогнула плечи резко дернулись вверх, словно от удара током. Нож, которым она резала зачерствевший хлеб, стукнул по деревянной доске чуть громче обычного. Мама медленно повернула к нему бледное лицо. На ее лбу уже проступили мелкие капли пота, хотя на улице было еще прохладно. В её глазах, тусклых и испуганных, отражался весь тот первобытный страх, который правил этим местом.

— Зачем ты так пугаешь? — выдохнула она, скорее устало, чем сердито, и быстро оглянулась на потолок, проверяя, не проснулся ли отец от её голоса. — Садись. Сейчас приготовится.

Ниган подошел ближе. Ему отчаянно, до щекотки в горле, хотелось протянуть руку и коснуться её локтя, или чтобы она сама, как мамы его редких школьных знакомых, провела ладонью по его растрепанным волосам. Он специально встал чуть ближе к столу, заглядывая ей в лицо, пытаясь поймать её взгляд. Он хотел этой короткой, бессловесной нежности. Хотел тепла.

Но мама не смотрела на него. Её глаза были заняты исключительно аккуратной нарезкой хлеба. Она словно боялась дать сыну даже каплю внимания, зная, что в этом доме любое проявление любви каралось двойной дозой жестокости.

Через двадцать минут за стеной раздался тяжелый кашель, заставивший обоих замереть. Звук шагов отца всегда был особенным — грузным, шаркающим, неотвратимым. Мама тут же суетливо заметалась по кухне, выставляя на стол тарелку со скромным завтраком и кружку с крепким чаем.

Дверь открылась, и на пороге появился Артур Фроун. Большой, с красным от постоянного пьянства лицом и жестким взглядом маленьких глаз. От него за версту несло перегаром, кислым потом и старым табаком. Он не удостоил жену и сына даже кивком. Сел за стол, который жалобно скрипнул под его весом, и потянулся к кружке.

Ниган сидел напротив, сжавшись в комок, стараясь казаться меньше, чем он есть на самом деле. Он смотрел в свою тарелку, но краем глаза улавливал каждое движение отца. Самым страшным в отце были не сами побои, а это гнетущее, удушливое ожидание удара. Психологическое давление, которое могло длиться часами.

Артур сделал глоток, поморщился и с грохотом опустил кружку на стол. Несколько капель чая выплеснулись на чистую клеенку. Мама тут же бросилась вытирать их тряпкой, но отец перехватил её запястье. Его пальцы сжались так сильно, что кожа женщины моментально побелела.

— Опять холодный сука, — тихо, почти ласково процедил отец. Этот тихий тон был гораздо опаснее его криков.

— Сколько раз тебе говорить, дура, чай должен быть горячим.

— Извини, Артур... я сейчас подогрею, сейчас... — залепетала мама, не пытаясь вырвать руку. Её голос дрожал, и Ниган чувствовал, как внутри него самого начинает закипать странная, темная волна. Это была смесь глупой жалости к матери и одновременной, пугающей злости на неё за эту собачью покорность.

Отец оттолкнул её руку так, что она едва не ударилась о край плиты, и перевел взгляд на Нигана. Мальчик замер, перестав жевать.

— А ты чего вылутился, щенок? — хмуро спросил Артур.

— Жрешь мой хлеб и молчишь? Иди отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели. Пошел вон к своему озеру.

Ниган не заставил повторять дважды. Он быстро поднялся со стула, стараясь не делать резких движений, и выскочил во двор через заднюю дверь.

Только оказавшись на улице, он смог глубоко вдохнуть. Воздух у озера был свежим, но даже здесь Ниган не чувствовал себя в безопасности. Этот берег, эти старые заброшенные причалы и покосившиеся деревянные склады на краю участка были его единственным убежищем от семейного ада.

Ему было десять лет, и он был абсолютно одинок. В школе с ним никто не общался, другие дети интуитивно чувствовали исходящую от него тяжелую, замкнутую ауру. Он был для всех невидимкой. Мальчиком со странным взглядом, который никогда не улыбался и вечно ходил в застиранной, пахнущей сыростью одежде.

Ниган побрел вдоль береговой линии. Вода в озере была темной, почти черной, скрывающей под своей гладью коряги и глубокие ямы. Он дошел до самого дальнего, полуразрушенного склада, гаража, принадлежавшего когда-то его деду. Окна здесь были заколочены серыми досками, а замок на двери давно заржавел, но Ниган знал одну отошедшую доску сбоку, через которую можно было пролезть внутрь.

Внутри склада царил полумрак. Пахло сухой травой, пылью и старым железом. Повсюду стояли старые ящики, валялись обрывки рыболовных сетей и какие-то пластиковые коробки. Это было его тайное место. Место, где он мог часами сидеть на деревянном ящике, обхватив колени руками, и думать.

Его внутренний монолог никогда не останавливался. В свои десять Ниган размышлял о вещах, которые испугали бы любого взрослого. Он пытался понять, почему этот мир устроен так несправедливо. Почему отец издевается над ними? Почему мама терпит? И самое главное почему никто вокруг этого не замечает?

Каждый раз, когда Ниган пытался сделать что-то хорошее прибраться в доме, принести отцу газету, вымыть полы до блеска мир оставался слеп. Его идеальное поведение, его искреннее желание заслужить хотя бы короткое, скупое «молодец» или просто теплый взгляд разбились о глухую стену безразличия. Хороших парней не замечают. Доброта в этом мире была синонимом слабости и невидимости.

«Если ты тихий и правильный, тебя просто нет», думал Ниган, глядя на полосу света, пробивавшуюся сквозь щель в стене склада. Внутри него росла огромная, черная пустота, требующая заполнения. Ему отчаянно, до безумия хотелось привлечь к себе внимание. Хотелось, чтобы мир наконец-то повернулся в его сторону, чтобы отец посмотрел на него не с отвращением, а с уважением или хотя бы со страхом. Чтобы мама увидела в нем защитника, а не еще одну жертву.

Вдруг в углу склада послышался слабый шорох. Ниган вздрогнул и повернул голову. В куче старого мусора копошилось какое-то маленькое серое существо. Это был лесной дрозд. Птица, видимо, залетела сюда через дыру в крыше, повредила крыло и теперь не могла выбраться, тщетно пытаясь взлететь и забиваясь всё глубже в угол.

Ниган медленно встал со своего ящика. Его шаги стали бесшумными, как у хищника на охоте. Он приблизился к раненой птице и опустился на колени. Дрозд замер, испуганно глядя на мальчика маленькими бусинками глаз. Его крошечное сердце билось с такой бешеной скоростью, что перышки на груди непрерывно подрагивали.

Ниган протянул руку. Его ладонь была аккуратной, пальцы двигались плавно, без единой резкой детали. Он осторожно взял птицу в руки. Дрозд попытался дернуться, но мальчик держал его крепко, чувствуя это живое, трепещущее тепло и сумасшедший ритм чужого сердца.

Ниган смотрел на птицу, и внутри него произошло странное, пугающее смещение реальности. В этот самый момент, в этом темном, заброшенном гараже у серого озера, он впервые в жизни почувствовал то, чего был лишен с самого рождения.

Контроль.

В его руках была чужая жизнь. И эта жизнь полностью, до мельчайшего вздоха, зависела только от него. Не отец управлял страхом в этой Богом забытой комнате, а он сам. На него смотрели. Пусть со страхом, пусть с ужасом, но это маленькое существо было сосредоточено ТОЛЬКО на нем. Ниган был для этой птицы центром вселенной, её богом, её палачом или спасителем. Вся её крошечная реальность сузилась до его ладоней.

Это было самым сильным, самым ошеломляющим вниманием, которое он когда-либо получал.

Его пальцы начали медленно, почти нежно сжиматься. Дрозд испуганно пискнул, затрепыхался, пытаясь вырваться из смертельной ловушки, но хватка мальчика была неумолима. Ниган не чувствовал жалости. Он не чувствовал злости или ненависти к птице. Напротив, он испытывал к ней странную, извращенную благодарность за то чувство абсолютного всемогущества, которое она ему дарила.

Раздался едва слышный хруст тонких крыльев. Трепет маленького сердца под его пальцами стал еще быстрее, дошел до своего пика... а затем резко оборвался. Птица обмякла в его руках, превратившись в безжизненный комочек серых перьев.

В складе воцарилась тишина. Настоящая, глубокая, правильная тишина, которую Ниган так долго искал. Внутренний гул и обида в его голове на мгновение затихли. Одиночество отступило, сменившись холодным, расчетливым покоем. Он заставил мир подчиниться своей воле, пусть пока этот мир и ограничивался маленьким лесным дроздом.

Ниган аккуратно положил мертвую птицу на деревянный ящик, разгладил ей перышки и несколько минут просто смотрел на нее. В его голове начала формироваться страшная, деформированная истина, которая определит всю его дальнейшую жизнь: когда ты приносишь боль и смерть, мир больше не может тебя игнорировать. Смерть заставляет всех смотреть на тебя.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая озерную воду в зловещие багровые тона, Ниган вернулся к дому.

Атмосфера во дворе была наэлектризована до предела. Шторм, который зрел на озере, казался ничем по сравнению с тем психологическим штормом, который разворачивался внутри деревянных стен. Из приоткрытого окна кухни доносился тяжелый, раскатистый голос отца и глухие, прерывистые всхлипы матери. Отец снова пил на этот раз с самого обеда.

Ниган вошел через заднюю дверь и тихо поднялся по лестнице в свою комнату. Он лег на кровать прямо в одежде, заложив руки за голову. Расправившая крылья желтая птица на потолке теперь казалась ему не просто пятном от сырости, а каким-то предзнаменованием.

Снизу раздался звон бьющейся посуды звук разбитого фарфора прозвучал в тишине дома как выстрел. Затем последовал глухой удар и истошный, полный боли крик матери, который тут же оборвался, сменившись тяжелым, звериным сопением отца.

Ниган даже не вздрогнул. Он лежал неподвижно, его глаза были широко открыты, а на губах блуждала едва заметная, холодная полуулыбка и слезы. Напряжение, которое душило его все эти годы, медленно перерастало в нечто иное. Он знал, что этот дом обречен. Он знал, что финал близок. Но теперь он больше не боялся. Он ждал, когда занавес поднимется, и вся эта накопившаяся тьма наконец-то вырвется наружу, заставив весь мир содрогнуться и посмотреть на него.

Глава 2. Эхо тишины

Тишина, наступившая после крика матери, была страшнее любого грохота. Она не просто заполнила дом она заложила уши, превратившись в плотный, осязаемый вакуум.

Я лежал на кровати, вцепившись пальцами в старое одеяло. Мне было десять. Всего десять лет, но в ту минуту я чувствовал себя древним стариком, который знает о неизбежности смерти всё. Снизу больше не доносилось ни звуков ударов, ни звона разбитой посуды. Только тяжелое, свистящее дыхание отца. Оно ритмично вздымалось сквозь доски пола, словно под моей комнатой ворочался раненый, сытый зверь.

«Спустись, шептал мне внутренний голос. Ты должен пойти и посмотреть. Ты ведь хотел внимания? Ты хотел, чтобы шторм наконец-то разразился? Иди».

Мои ноги коснулись ледяного пола. Я двигался на автопилоте, почти не осознавая своего тела. Лестница на первый этаж казалась бесконечной. Каждая ступенька, которую я обычно так тщательно обходил, теперь скрипела под моими ногами, но мне было плевать. Пусть слышит. Пусть обернется.

Когда я переступил порог кухни, в нос ударил резкий, металлический запах. Отец сидел на табурете посреди разгрома. Его огромные руки, испачканные в чем-то темном, безвольно висели между колен. На полу, лицом вниз, лежала мама. Её серый халат разорвался на спине, а вокруг головы медленно растекалась темная лужа, впитываясь в старые деревянные половицы.

— Мам?.. — позвал я. Мой голос прозвучал как жалкий, тихий писк новорожденного котенка.

Отец даже не вздрогнул. Он сидел в своем пьяном, заторможенном оцепенении, тупо глядя в стену перед собой. Я подошел ближе, наступив босой ногой на осколок разбитой тарелки. Острая боль пронзила пятку, но я почти не почувствовал её. Я упал на колени рядом с матерью, схватил её за руку она была еще теплой, но пальцы уже обмякли, потеряв всякую силу.

— Посмотри на меня! — внезапно закричал я, поворачиваясь к отцу. Мой голос сорвался на безумный, надрывный крик. Я подскочил и ударил своими маленькими кулаками по его массивному плечу.

— Посмотри на меня, слышишь?! Ударь меня! Ну же! Почему ты на меня не смотришь?!

Но Артур Фроун остался слеп. Он медленно повернул ко мне свою тяжелую голову, посмотрел сквозь меня мутными, налитыми кровью глазами, словно я был куском мебели, и снова уставился в стену. Для него меня не существовало даже тогда, когда мир вокруг него рушился.

«В тот момент я понял, думал я годы спустя, вспоминая ту ночь.

Хорошее поведение не привлекает внимания. Крики о помощи тоже не работают. Мой отец заметил маму только тогда, когда решил забрать её жизнь. Смерть единственный язык, который заставляет этот мир остановиться и обернуться».

Полиция приехала, когда небо над озером начало окрашиваться в грязно-серые пред-рассветные тона. Сине-красные огни мигалок разрезали утренний туман, отражаясь в черной воде, словно зловещий салют. Дом заполнился чужими людьми. Полицейские в грубой форме, медики, следователи...

Я сидел в углу прихожей, поджав под себя окровавленную ногу, и наблюдал. Я помню пластиковый хруст костюмов криминалистов, резкие вспышки фотоаппаратов, фиксирующих смерть, и то, как равнодушно один из копов жевал мятную жвачку, заполняя бланк осмотра тела. На отца надели наручники. Сухой, резкий клик застегнувшегося металла прозвучал как финальная точка в истории нашей семьи.

Потом был суд. Серый, унылый зал заседаний, пропитанный запахом старой бумаги, дешевого парфюма и хлорки. Мне, десятилетнему мальчишке в чужой, великоватой рубашке, пришлось сидеть перед целой толпой незнакомцев. Присяжные смотрели на меня с липкой, приторной жалостью, от которой хотелось вымыть руки. Журналисты строчили что-то в своих блокнотах.

Артур Фроун сидел за железной решеткой. Когда прокурор зачитывал мои показания о том, как отец годами избивал маму, как чай всегда был слишком холодным, как дом замерзал зимой отец лишь тяжело вздыхал и чесал заросшую щеку. Он так ни разу и не посмотрел в мою сторону. Судья, пожилой мужчина с бесстрастным лицом, монотонно объявил вердикт: пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Когда конвоиры подняли отца, чтобы увести в камеру, я резко подался вперед, вцепившись пальцами в деревянный барьер. Все взгляды в зале десятки пар глаз — моментально скрестились на мне. Журналисты замерли, присяжные затаили дыхание. В эту секунду я наконец-то получил то, чего жаждал все десять лет своего жалкого существования. Я стал центром этой комнаты. Я заставил их всех смотреть.

Я поймал ускользающий, тупой взгляд отца и тихо, но отчетливо, так, чтобы эхо разнеслось по залу, произнес:

— Я всё равно заставлю тебя смотреть на меня, папа.

Конвоир грубо дернул отца за плечо, уводя в коридор, а меня подхватила под руку социальная работница. Отец умер в тюрьме через пять лет от сердечного приступа. Он так и не ответил ни на одно из моих писем.

После суда меня вернули в дом у озера. Никто из немногочисленных родственников мамы не захотел связываться с «сыном убийцы». Государство назначило мне опекуншу — миссис Клейн, пожилую, набожную женщину из соседнего поселка. От неё всегда пахло лавандовым мылом и мятными каплями. Она не пыталась стать мне семьей. Дважды в неделю она привозила коробки с макаронами и консервами, оставляла их на веранде, наспех подписывала какие-то бумаги и уезжала, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— У этого мальчишки волчий, дикий взгляд, — шептала она местному бакалейщику, думая, что я не слышу её, стоя за стеллажом с крупами.

— Из него вырастет такой же монстр. Кровь не водица, гены отца из него еще полезут.

«Волчий взгляд? — усмехался я про себя, возвращаясь по пустынной лесной тропе к своему заброшенному дому.

— Вы просто боитесь смотреть в зеркало, которое я вам подставляю. Вы замечаете меня, только когда вам страшно

Шли годы. Время у озера тянулось медленно, как смола, вытекающая из надломленной сосны. Я рос в абсолютном, звенящем одиночестве. В школе меня обходили стороной; я был тенью, призраком, мальчиком из «того самого проклятого дома». К двадцати одному году я превратился в огромного, молчаливого мужчину с бледной кожей и вечно сжатыми губами. Я устроился на городскую лесопилку. Работа была адской: я таскал тяжелые, сырые бревна, забивая мышцы до изнеможения, до кровавых мозолей на ладонях. Мне нужно было уставать так, чтобы ночью просто падать на кровать и засыпать без мыслей.

Потому что мысли пугали меня.

Иногда, оставаясь на заброшенном складе у причала, я подолгу смотрел на свои руки. Черная, липкая пустота внутри меня, зародившаяся еще в детстве, никуда не исчезла. Она требовала выхода. Мне отчаянно хотелось снова пережить то невероятное чувство контроля, которое я испытал тогда, со сжатым в ладонях дроздом. Хотелось, чтобы кто-то смотрел на меня с тем же абсолютным, чистым ужасом, признавая мою безграничную власть.

Но каждый раз, когда я был готов сорваться, когда я выслеживал в городе случайных прохожих, взгляд матери останавливал меня. Её беззащитное, безмолвное лицо стояло перед глазами. Я сжимал зубы, загонял монстра обратно на цепь и возвращался в пустой дом.

Кинсли станет единственной, кто сможет удержать эту цепь... Но я тогда еще не знал её имени.

Всё изменилось в дождливый октябрьский вечер.

Старый рабочий грузовик лесопилки заглох на самой окраине города, посреди унылой улицы, застроенной двухэтажными домами из темного кирпича. Водитель полез под капот, шумно матерясь на лопнувший ремень генератора, а я вылез из кузова, чтобы проверить брезент, укрывавший древесину от ливня.

Холодные струи дождя хлестали по лицу, ветер швырял под ноги мокрую, пахнущую гнилью листву. Окрестности стремительно погружались в сизые сумерки. Я потянул за мокрый канат, затягивая узел, и случайно поднял голову, посмотрев на крыльцо ближайшего дома.

Там стояла девушка.

Она казалась яркой, невозможной вспышкой среди этого серого, умирающего пейзажа на ней было тяжелое шерстяное пальто сочного, желтого цвета. В руках она отчаянно пыталась удержать огромную, размокшую от воды картонную коробку с книгами и какими-то холстами, пока сильный порыв ветра выворачивал её зонт наизнанку.

— Черт, черт, ну пожалуйста, не сейчас, — донесся до меня её тихий, надрывный девичий голос.

В следующий миг размокшее дно коробки порвалось. С глухим, тяжелым шлепком десятки книг, старых тетрадей и скрученных в рулоны эскизов посыпались прямо в грязную лужу у подножия крыльца. Девушка растерянно вскрикнула, зонт вырвался из её рук и покатился по жухлой траве, а сама она опустилась на колени, пытаясь спасти намокающие страницы от грязи.

Я застыл. В моей голове не было мысли «надо помочь». Мои ноги двинулись вперед сами, повинувшись какому-то странному, глубинному импульсу, который я не мог объяснить. Я перешагнул через дорожный бордюр, подошел к крыльцу и молча опустился на корточки рядом с ней, прямо в холодную воду.

Мои большие, огрубевшие, испачканные в мазуте и древесной пыли пальцы аккуратно подхватили толстый том в кожаном переплете. Я бережно стряхнул с него грязные капли и протянул ей.

— Ой... спасибо вам огромное, — девушка резко подняла голову.

Её лицо было совсем близко. Мокрые темные пряди волос прилипли к бледным щекам, на кончике носа дрожала дождевая капля. Но самым удивительным были её глаза. Большие, ясные, светлые. И в них... не было страха.

Когда местные жители видели меня огромного, хмурого, нелюдимого парня с лесопилки они всегда ускоряли шаг или отводили взгляд. Эта девушка смотрела на меня совсем иначе. Так, словно перед ней стоял человек, заслуживающий уважения, а не чудовище. Она смотрела прямо в мою пустую, израненную душу, и от этого взгляда внутри меня впервые за многие годы что-то дрогнуло.

— Ветер сегодня просто с ума сошел, — продолжила она, слабо улыбнувшись, хотя её губы уже заметно дрожали от холода.

— Я Кинсли. Я только сегодня переезжаю в этот дом, и, кажется, это худший день для новоселья.

Я слотнул вязкую слюну. В моем горле словно застрял кусок наждачной бумаги я слишком долго ни с кем не разговаривал по-человечески.

— Ниган, — хрипло вытолкнул я из себя, подавая ей очередную спасенную тетрадь.

— Приятно познакомиться, Ниган, — повторила она, и мое имя в её устах прозвучало так мягко, будто оно никогда не было связано с кровью и ужасом судебного зала.

— Поможешь занести это хотя бы на веранду? А то бумага окончательно превратится в кашу.

Я легко подхватил остатки коробки, даже не заметив её веса. Мое сердце, обычно работавшее в медленном, ленивом ритме, вдруг заколотилось в грудную клетку с такой силой, что мне показалось — Кинсли слышит этот стук. Это было не то гнетущее чувство всемогуще-

ства, которое я ощутил в детстве с птицей. Это была пронзительная, острая, почти болезненная вспышка жизни. Будто меня, замерзшего насмерть в моем одиночестве, резко бросили в спасительное тепло.

Я аккуратно опустил коробку на сухие доски веранды и сделал шаг назад, собираясь уйти, сбежать обратно в свой безопасный, привычный мрак кузова грузовика. Я испугался этого нового чувства. Испытал дикий страх перед тем, что этот морок сейчас рассеется.

Но Кинсли сделала то, чего не делал никто за всю мою жизнь. Она протянула свою маленькую, озябшую ладонь и мягко, едва ощутимо коснулась моего предплечья. Сквозь мокрый брезент куртки я почувствовал это прикосновение каждой клеткой тела.

— Погоди, — тихо сказала она, заглядывая мне под капюшон.

— Ты весь промок из-за меня. И куртка в грязи. Зайди в дом. Я только что включила отопление, я сделаю тебе горячий чай. Пожалуйста. Не уходи сразу.

Горячий чай. Зайди в дом. Пожалуйста. Я застыл на месте, не в силах пошевелиться. Внутри меня поднялся целый вихрь эмоций. Мне хотелось упасть перед ней на колени прямо здесь, на этих мокрых досках, просто за то, что она попросила меня остаться. За то, что я был ей нужен.

Прежде чем переступить порог, я закинул голову назад, посмотрев на фасад здания из темного кирпича. Прямо над дверью, на покосившемся деревянном косяке, тускло поблескивали две металлические цифры, покрытые легким слоем ржавчины.

86.

«Дом восемьдесят шесть, — прошептал мой внутренний голос, и этот шифр навеки выжгется в моем сознании. Кинсли. Дом восемьдесят шесть. Она попросила меня остаться.

Кинсли открыла дверь, впуская меня внутрь. Из прихожей приятно пахло сухой травой, лаком и масляными красками. Этот аромат моментально вытеснил вечный запах озерной сырости, который я носил на себе годами. Я прошел на кухню, чувствуя себя огромным, грязным животным, которое случайно пустили в чистый, святой храм.

Я сел на самый край деревянного стула, не смея расслабиться и прижав руки к коленям. Кинсли суетилась у плиты, зажигая конфорку. Через несколько минут она повернулась ко мне, держа в руках две дымящиеся керамические кружки. Пар поднимался над ними, заполняя маленькую уютную кухню. Она тепло, искренне улыбнулась мне и спросила:

— Ну расскажи мне, Ниган, как ты оказался здесь в такой ливень?

И я, молчавший долгих семь лет, впервые открыл рот, чтобы начать говорить.

Глава 3. Призраки в темноте

— Я... я на лесопилке работаю. Тут, на окраине. Бревна таскаю, — мой голос прозвучал непривычно громко в этой чистой, притихшей кухне. Я судорожно сжимал пальцами горячую керамику кружки, боясь поднять глаза.

— Мне двадцать один. Живу один. У озера.

Я выдавливал из себя слова, как застывшую смолу. Каждое звуковое сочетание казалось мне неуклюжим, грязным. Мне казалось, что если я скажу чуть больше, она прочтает по моим губам всё: и мешок с телом матери, и наручники на отцовских запястьях, и того дрозда, чьи кости до сих пор гнили на старом складе.

— О, на лесопилке? — Кинсли мягко улыбнулась, садясь напротив меня и обхватывая свою кружку тонкими, испачканными в синей краске пальцами. — Должно быть, это очень тяжело. А я вот рисую. Переехала сюда из столицы, потому что там слишком много шума. Мне нужно уединение, понимаешь? Чтобы поймать правильный свет. Этот дом... он старый, но в нем есть душа. Я хочу превратить его в свою мастерскую.

Я слушал её, и внутри меня будто распускался тугой, болезненный узел. Она говорит со мной. Она делится своими планами. Со мной. Я смотрел на маленькую родинку на её шее, на

то, как пар от чая красиво очерчивает её подбородок, и впервые в жизни мне захотелось, чтобы время остановилось. Чтобы этот ливень за окном никогда не заканчивался.

Но реальность грубо ворвалась в этот зарождающийся кокон. С улицы донесся оглушительный, троекратный гудок старого грузовика. Старик-водитель починил генератор. Пора.

Я резко поднялся, едва не плеснув чаем на стол. Кружка стукнула о дерево.

— Мне пора. Напарник ждет, — выпалил я, отступая к двери.

— Ой, уже? — в её глазах промелькнуло искреннее разочарование, и это ранило меня в самое сердце. — Спасибо тебе еще раз, Ниган. За книги. Приходи еще... просто так. Попить чаю.

Я ничего не ответил. Лишь судорожно кивнул, выскочил на веранду и бросился сквозь пелену дождя к гудящему грузовику, унося на своих руках едва уловимый запах ванили и масляных красок.

«Приходи еще», — эти слова всю дорогу стучали в моих висках, перекрывая рев неисправного мотора. Но когда грузовик высадил меня у тропы к озеру и я остался один, светлые иллюзии начали стремительно осыпаться, уступая место привычной, удушливой тьме.

Дом у озера встретил меня ледяным безмолвием. Я запер тяжелую дверь на три засова, сорвал с себя мокрую ветровку и прямо в одежде рухнул на пол в прихожей, прижавшись спиной к косяку.

Вот тут меня и накрыло.

Это происходило каждую ночь, но сегодня, после встречи с Кинсли, приступ был особенно яростным. Внутри меня словно вскрылся нарыв. Черная, липкая пустота, которую я так усердно трамбовал все эти годы, хлынула наружу, разрывая легкие.

— Зачем?.. — прохрипел я в пустоту темного коридора, закрывая лицо руками.

— Зачем ты посмотрела на меня так? Зачем ты позвала меня обратно?

Я чувствовал, как меня начинает крупно, крупно трясти. Это была не дрожь от холода это была ментальная судорога. Воспоминания ворвались в голову без предупреждения, сдирая кожу с мыслей. Я снова видел ту злосчастную кухню. Снова слышал глухие удары отца.

— Хватит! Прекрати! — закричал я, с силой ударив кулаком по деревянной стене. Боль протрезвила на секунду, но следом пришла невыносимая, сосущая под ложечкой тоска.

Я вспомнил маму. Вспомнил, как она угасала в этом доме, превращаясь в тень. Я так хотел её спасти, так хотел, чтобы меня обняли! Я ведь был всего лишь ребенком! Мне нужно было просто немного внимания, один теплый взгляд, который Кинсли сегодня подарила мне бесплатно. Почему мама не могла дать мне этого? Почему отец ненавидел меня за сам факт моего существования?!

Я перевернулся на живот, вцепился ногтями в старые половицы, царапая дерево до крови, и завыл глухо, по-звериному, уткнувшись лицом в собственный локоть. Из глаз хлынули злые, обжигающие слезы, которые я копил годами. Меня ломало от боли. Мне хотелось разнести этот проклятый дом по щепкам, сжечь его, утопиться в этом черном озере, чтобы только перестать чувствовать эту удушающую, вечную несправедливость.

«Ты монстр, — шептал мне внутренний голос, тот самый, пугающий, из глубины сознания. Твой отец был прав. В тебе течет его кровь. Иди на склад. Возьми нож. Найди кого-нибудь в городе. Сделай так, чтобы они кричали от страха, и тогда твоя боль утихнет. Вспомни, как затихает мир, когда проливается кровь».

— Нет... — всхлипнул я, сжимая голову руками, словно пытался раздавить собственный череп.

— Нет! Я обещал. Ей обещал... Я буду хорошим. Только ради неё.

Я лежал на полу до самых предрассветных сумерек, опустошенный, выжатый до капли этой ночной истерикой. Грудь тяжело вздымалась. Внутренний монстр нехотя отступал, укладываясь на свою цепь, но я знал он не ушел. Он просто ждал.

И единственным замком на его клетке теперь было воспоминание о желтом пальто и чашке горячего чая в доме номер восемьдесят шесть.

Глава 4. Осколки в зеркале

Утреннее солнце у озера никогда не приносило облегчения. Оно не согревало, а лишь делало видимым весь тот хаос, который я так отчаянно пытался скрыть от самого себя. Белые лучи неохотно пробивались сквозь мутные, невымытые стекла, подсвечивая танцующие в воздухе пылинки и обнажая серость комнат, где каждый угол всё ещё безмолвно кричал о прошлом.

Я стоял перед старым, покрытым глубокими трещинами и темными пятнами разорванной амальгамы зеркалом в ванной комнате. Из глубины потрескавшегося стекла на меня смотрело лицо, которое в городе многие назвали бы безупречным, почти кукольным. Но для меня оно было лишь маской. Жесткой, чужой маской, за которой прятался израненный, хрипящий от бессилия зверь.

Я медленно изучал каждую деталь своего отражения, словно видел себя впервые в жизни. Отточенные, резкие черты лица, которые достались мне от матери, но со временем приобрели пугающую, тяжелую отцовскую жесткость. Высокие, словно высеченные из монолитного мрамора скулы, на которых сейчас от напряжения ходили желваки. Прямой, тонкий, аристократический нос и резко очерченный, упрямый подбородок с едва заметной ямкой. Мои волосы, темные и вечно растрепанные после бессонной ночи, непослушными прядями падали на лоб, частично прикрывая глаза. Но даже сквозь эту челку я видел их — свои собственные глаза. Абсолютно пустые. Два зеленых почти черных, бездонных провала, в которых не было ни единой искры человеческого тепла. Живой труп с лицом ангела.

«Люди смотрят на мое лицо и видят красоту, подумал я, и мои губы сами собой растянулись в горькой, хищной усмешке.

— Они глупцы.

Они ведутся на безупречную обертку. Девчонки на городских улицах засматриваются на разлет моих бровей и четкие линии, не понимая, что эта правильность результат вечно сжатых от ярости зубов. Моя красота это фасад склепа. Чем красивее и чище мраморный памятник, тем мертвее и страшнее то, что под ним зарыто».

Я перевел взгляд ниже. Откинул в сторону застиранное серое полотенце и полностью оголил торс. Семь лет изнурительного, адского труда на лесопилке превратили мое тело в идеальное, отточенное оружие. Широкие плечи, рельефная грудь, четко прочерченные кубики брюшного пресса и крепкие, сильные руки с выступающими под бледной кожей венами. Каждая мышца была на своем месте, каждая связка была натянута, как стальная тетива лука. Это тело было сильным. Оно могло в одиночку поднимать вековые бревна, могло сутками терпеть голод и ледяной ветер, могло с легкостью ломать кости. Оно могло убивать.

Но для меня эта безупречная физическая форма была лишь способом сублимации, жестокой попыткой сбежать от собственного безумия. Каждое утро, когда мои мышцы горели от невыносимой, тягучей боли после вчерашней смены, я искренне радовался. Физическая боль была моим единственным лезвием, единственным лекарством, которое могло хотя бы на пару часов заглушить боль ментальную. Я истязал свое тело работой, забивал его до изнеможения, чтобы спасти свой разум от окончательного, необратимого разрушения.

Я протянул руку и коснулся подушечками пальцев холодного стекла зеркала, прямо там, где отражались мои пустые глаза. Ощущение расколотой глади под пальцами немного заземлило меня.

— Завтра, — прошептал я в пустоту сырой ванной комнаты. Мой собственный голос показался мне чужим, приглушенным.

— Завтра я снова поеду в город. Я должен увидеть её.

Мысль о Кинсли подействовала на меня как мощный разряд электрического тока. Внутренний монстр, который еще ночью выл, бился головой о стены и рвал цепи, требуя крови и разрушения, мгновенно притих. Он послушно свернулся калачиком где-то в самом темном, потаенном углу моей истерзанной души, загипнотизированный мягким воспоминанием о её желтом шерстяном пальто и тихом голосе.

Кинсли была единственным существом на всей этой проклятой, равнодушной планете, кто не испугался моего взгляда. Она посмотрела сквозь эту безупречную, но пугающую внешность и увидела меня. Не чудовище, не сына безумного убийцы, а просто Нигана. Одинокого, насквозь промокшего парня, которому был отчаянно нужен этот чертов горячий чай.

«Она — мой единственный якорь, — подумал я, чувствуя, как в груди впервые за много лет разливается робкое, непривычное тепло.

— Если я упусти её, если я позволю своей тьме подобраться к ней слишком близко, я сгорю. И сожгу всё вокруг себя. Она должна жить. И я должен быть хорошим. Ради неё. Чего бы мне это ни стоило».

Я стоял перед зеркалом, чувствуя, как холодный воздух ванной комнаты постепенно остужает разгоряченную после ночного срыва кожу. Мои пальцы, всё ещё хранившие въевшуюся в поры темную древесную пыль и мазут, скользнули по сколотому краю раковины. Каждое движение отзывалось тупой болью в плечах плата за вчерашние бревна.

«Ты думаешь, что сможешь приручить его? — раздался вкрадчивый, издевательский шёпот где-то на самой периферии моего сознания.

— Ты думаешь, что чашка чая из рук девчонки излечит то, что твой отец вбивал в тебя годами? Кровь отца внутри тебя уже закипает, Ниган. Ей нужно мясо. Ей нужен страх».

Я зажмурился, до боли вдавливая ладони в фарфор раковины, пока костяшки пальцев не побелели, грозя треснуть.

— Заткнись, — прохрипел я собственному отражению, резко открывая глаза.

— Просто заткнись.

Я включил ледяную воду на полную мощность. Тяжелая струя ударила по рукам, смывая грязь, пот и остатки ночного кошмара. Я плеснул водой себе в лицо, силой стирая маску покорного, тихого парня, которой прикрывался в городе перед чужими людьми. Вода стекала по моим скулам, капала с кончика носа, но пустой, мертвенный взгляд моих глаз оставался неизменным. Тени под глазами делали лицо еще более резким, голодным.

Я вышел из ванной и прошел в жилую комнату. Этот дом... он буквально давил на меня своими потолками и стенами. Каждый гребаный метр здесь помнил либо мамин тихий плач у плиты, либо отцовские тяжелые, пьяные шаги. Я быстро натянул чистую, хотя и старую, выцветшую рубашку. Мои плечи едва пролезали в плотные рукава тело продолжало расти и развиваться, словно оно готовилось к какой-то финальной, страшной битве, о которой я сам ещё не имел ни малейшего понятия. Из помутневшего зеркала в старом платяном шкафу на меня снова посмотрел тот самый безупречно красивый, пугающе идеальный мужчина. Линии подбородка, резкий разлет бровей, атлетичное телосложение. Всё это выглядело как дорогая обертка, скрывающая под собой выжженное, покрытое пеплом поле.

Я подошел к окну и посмотрел на озеро. Плотный туман над черной водой постепенно рассеивался под лучами бледного осеннего солнца, обнажая подгнившие доски старого причала. Сегодня был мой официальный выходной на лесопилке. И я прекрасно знал, куда направлюсь через полчаса. На самом деле, у меня просто не было выбора. Мои ноги сами понесут меня прочь от этого проклятого, пахнущего кровью берега, туда, где среди серых, безликих кирпичных домов пряталась единственная живая душа.

Я должен был увидеть её. Должен был лично проверить, не приснился ли мне этот спасительный желтый цвет её пальто, этот мягкий, лишенный страха голос и старый дом под номером семьдесят шесть.

«Она — твоя единственная надежда, Ниган, — подумал я, натягивая куртку и выходя на крыльцо. — Твой единственный замок на клетке со зверем. И если этот замок когда-нибудь сломается... этот мир содрогнется от ужаса».

Я повернул ключ, запер тяжелую дверь дома у озера на все три засова и быстрым шагом зашагал по сырой лесной тропе в сторону города, чувствуя, как внутри меня, вопреки здравому смыслу, начинает зарождаться робкое, пугающее предвкушение тепла.

Глава 5. Шаг наружу

Я шёл по лесной тропе, и мокрые ветки деревьев хлестали меня по лицу, словно пытались удержать, развернуть назад, к безопасности моего проклятого озера. Но я не останавливался. Мои ботинки глубоко увязали в сырой осенней грязи, дыхание вырывалось изо рта плотными облачками пара.

«Что ты делаешь, Ниган? — молотил в затылке мой собственный трусливый шёпот.

— Куда ты прешься? Зачем тебе эта девчонка? Ты же сломаешь её. Ты всё ломаешь».

— Заткнись, — процедил я сквозь зубы, даже не заметив, что говорю вслух в абсолютно пустом лесу.

Я сильнее сжал кулаки в карманах куртки. В правом кармане лежала маленькая деревянная фигурка птицы, которую я полночи вырезал на кухне, пока меня трясло после очередного ночного срыва. Пальцы до сих пор помнили идеальную гладкость отполированного дерева. Я сделал её для неё. Зачем? Сам не знал. Просто хотел увидеть, как её светлые глаза снова удивленно расширятся, когда я протяну ей этот глупый подарок.

Когда деревья расступились, и я вышел на окраину города, серые кирпичные дома показались мне надгробиями. Но среди них, в самом конце улицы, стоял он. Дом номер семьдесят шесть.

Я остановился у забора. Сердце ухнуло куда-то в желудок, а потом заколотилось на пределе возможностей. На крыльце не было желтого пальто. Зато в окне первого этажа горел мягкий, теплый свет. Она была там.

Я заставил свои ноги сделать эти несколько шагов по дорожке. Поднялся на три ступени. Дерево под ногами жалобно скрипнуло. Я занес огромную, огрубевшую ладонь и трижды коротко стукнул в дверь. Звук показался мне оглушительным, как выстрел.

Секунда. Две. Три. Внутри дома послышались легкие, быстрые шаги. Замок щелкнул, дверь распахнулась, и на пороге появилась она. Кинсли. На ней был огромный, явно великоватый ей серый свитер, а волосы были небрежно собраны в пучок на затылке. На щеке виднелся свежий мазок синей краски.

Она увидела меня, и её лицо буквально просияло. Боже, она улыбнулась мне так, словно ждала меня всё утро.

— Ниган! — воскликнула она, делая шаг навстречу. — Ты всё-таки пришел! А я боялась, что ты забудешь. Заходи скорее, на улице же жуткий холод.

Я застыл на пороге, как вкопанный, чувствуя себя неуклюжей каменной глыбой.

— Я... я не забыл, — хрипло выдавил я из себя. Голос спросонья звучал слишком грубо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.